

Евгений Плоткин

Два билета туда, блин!

ДВА БИЛЕТА ТУДА, БЛИН!

В Бонне я снимал комнату у фрау Кацвинкель. Конечно, кроме фрау Кацвинкель в доме жили и адвокат герр Кацвинкель, и как минимум двое их взрослых детей, но фрау – она фрау и есть, – короче, снимал я комнату в Бонне у фрау Кацвинкель. Фамилия «Кацвинкель» переводится как «кошачий угол», и действительно, в прихожей всегда сидела неулыбчивая кошка с колючим взглядом начальницы первого отдела. Кошку звали Микеш, но про себя я окрестил её «Товарищ Парамонова».

Имена животных – тонкая и слегка сюрреалистическая штука. У наших ленинградских друзей живёт голошёрстная «чернобыльская» кошка по имени «Ида Рубинштейн». Ида как две капли воды похожа на свою тёзку с картины Серова. Тот же томный прогиб, та же грация, не хватает только перстней на худых, изящных лапах. Она сменила в квартире отъявленного разгильдяя кота «Позордома», который отличался философским складом характера и презрением к гостям и этикету. А назвали бы его «Цезарь» – был бы он по-царски державен, управлял бы мышами, и лишь иногда – в назидание – ел бы их. Назвали бы «Ициком» – одел бы ермолку, учредил кошачий кашрут и мяукал бы нараспев, слегка покачивая головой. Нет, имена – дело непростое.

«Товарищ Парамонова» мне категорически не понравилась, но её владенья кончались на втором этаже, а я собирался жить на третьем.

– Скажите, у вас нет аллергии на кошек? – спрашивает фрау Кацвинкель при первом знакомстве.

– На четвероногих? Вроде нет.

Фрау Кацвинкель реагирует мгновенно и заливисто смеётся. Боже, как под чахлым немец-

ким небом зародились такие быстрые карие глаза и такой великолепный цвет лица?

– Я спросила, потому что бывают проблемы с животными. Кашель, насморк, слёзы...

– Да, я знаю – у моей жены аллергия на шерсть, а у меня пока только на жару и глупость.

– На что? – секундное замешательство, и снова она смеётся.

Нет, определённо, фрау – фрау что надо. Отличная фрау!

Мы поднимаемся на третий этаж. Лестничный проём украшает коллекция ракушек и несколько камней. Всё, в комнату можно не идти, мне уже хорошо, я на всё согласен.

– Откуда у вас эти ракушки?

– О-о! Правда, красивые? Они из Коста-Рики, я наполовину костариканка, но родилась я в Германии, мой отец приехал из Коста-Рики много лет назад.

Ага! Вот где собака зарыта, вот откуда такие глаза и такой смех.

– А ваш родной – испанский?

– Нет, конечно, я понимаю по-испански, но родной у меня немецкий. Я вообще немка.

– Ну конечно, конечно – я вообще русский.

Фрау смеётся, похоже, она всё понимает и всегда смеётся. Интересно, что она понимает?..

- На самом деле комната меня не особенно волнует, по натуре я сова.
- *Sova*?
- Ну да, сова, это птица такая, *awl*, с большими глазами и таким, как у меня, носом.
- Так вы *sova*, потому что у вас такой нос?
- Нет, сова, потому что не сплю по ночам, работаю.
- Ах, *sova!* – она делает круглые глаза.
- Сова, сова – у-уу!
- Да, *sova*, я вас поняла. А я – *lark*.
- Жаворонок?
- *Zhavoronook?* – повторяет она.
- Почти правильно, не *zhavoronook*, а жаворонок, – и мы смеёмся уже вместе и хлопаем крыльями.

Как бы ей объяснить... Райкина она не слышала – «ванна у вас хорошая, глубокая, здесь мы будем огурцы солить...»

– Фрау Кацвинкель, я же сказал, меня всё устраивает, моюсь я редко, зубы чищу нерегулярно...

Она смеётся снова. А если не шутить, она всё равно будет улыбаться? Это так ей к лицу!

- У вас будет соседка, молодая леди из Ирландии.
- Из Ирландии?
- Да, из Ирландии.
- Так это же замечательно! – и мы спускаемся мимо кошки вниз, к выходу.

...С семьёй Кацвинкель мы, конечно же, подружились. Единственное, «Товарищ Парамонова» оказалась котом. И в самом деле, мог бы сразу догадаться, «Микеш» – всё же не женское имя. Но и не мужское, с другой стороны. Да и песня Галича совсем не о том.

Коты, кстати, отличаются от кошек значительно сильнее, чем, скажем, кобели от сук. Кошка по-латыни *«felixa»* – женского рода, а кот, наверное, тогда *«felix»*. Но «Феликс» для меня – это Дзержинский, и как-то сразу зябко становится.

У наших знакомых в садовом кооперативе был кот, который пользовал всех местных кошечек и вообще безобразничал по-всякому. Сторожиха решила купить ему кошку, чтобы была у него постоянная подруга жизни. Купила. И вот наша приятельница заходит как-то к сторожихе, а та ей говорит, что, мол, купила кошечку, Мурку, но кошечка худая оказалась, бракованная, с грыжей. Она уже две недели эту грыжу зелёнкой мажет, а та всё не проходит. ПРИЯТЕЛЬНИЦА НАША – МУЗЫКАНТ, ТОНКОЙ ДУШЕВНОЙ НАТУРЫ ЧЕЛОВЕК. Смотрит она на Мур-

– Вы знаете, я обычно прихожу из института от двух до пяти ночи, и единственное, что мне надо – это плоское место, да и то не всегда. Так что я на всё согласен.

– Конечно, конечно, но я всё же должна показать вам вашу комнату.

Рядом с моей комнатой есть ещё три двери и просторная «ванна-туалет», похожая размерами на футбольное поле. Тут я понимаю – фрау немного смущена тем, что этот огромный санблок один на нескольких человек.

ку и видит, что лежит на диване кот с совершенно зелёными яйцами. Молодой совсем, морда ещё не обнаглевшая...

Но эту историю я рассказывать фрау Кацвинкель не стал, поскольку пришлось бы объяснять про садовый кооператив, про то, что такое зелёнка и почему ею надо что-то мазать, и, наконец, переводить слово «грыжа» на английский, а по-английски «грыжа» – *«hernia»*... Рассказывать не стал, а просто поселился у неё на третьем этаже, под крышей.

В принципе я знал, что соседка из Ирландии существует. Но не видел её ни разу. И вот однажды спускаюсь по лестнице, а навстречу поднимается совершенно очаровательное существо.

– Привет, я Евгений.

– Привет, я Клэр.

– Клэр? Чудесное имя, не знал, что оно ирландское. По-моему, мы соседи?

– По-моему – тоже, – улыбается Клэр. – Вы – тот мужчина, что не моет как следует за собой ванну?

– Конечно, а вы – та девушка, что заставила её всю шампунями, дезодорантами и коробочками с благовониями?

– Да, это я. А Клэр – не ирландское имя, я наполовину француженка.

Вот это да! Франко-ирландская смесь, пожалуй, даже круче испано-немецкой! Что же ты делаешь тут, в Бонне, прелестное создание? С такой красотой и с такими корнями?

– Что вы делаете в Бонне? – интересуюсь я.

– Преподаю английский и французский, я лингвист, закончила университет в Дублине и буду здесь работать год.

– В Дублине? Произнесите ещё раз название города.

– В Дублине, это столица Ирландии.

– Я знаю, я просто хотел ещё раз послушать ваш выговор. Если будет как-нибудь минутка, я расскажу, почему я вас попросил. Дело в том, что по-русски нет города Дублина, есть город Дублин. Игра слов... В другой раз расскажу, когда приду домой в человеческое время.

А история такова.

У меня есть приятель, коллега, профессор математики из Италии, и зовут его Туллио Чеккерини. Туллио абсолютно классный парень, весёлый, остроумный, заводной. Одним из его математических учителей был Слава Григорчук (я буду опускать все эти бесконечные и несущественные здесь «профессор Слава Григорчук»). Слава – украинец и божественно поёт украинские народные песни, но Туллио он почему-то научил любить русский язык, и особенно анекдоты по-русски.

Каждый раз, когда мы с Туллио встречаемся, он рассказывает мне по-русски новый анекдот.

– Слушай, Женя, – «Женя» у него получается особенно хорошо, – слушай, Женя, пожилая пара приезжает в тот же самый отель, где прошла их первая брачная ночь, заказывают они тот же самый номер, садятся на ту же самую кровать и она говорит: «Дорогой, ты не мог бы меня укусить за ухо, как тогда?..» – «Конечно, дорогая, конечно... Дай мне, пожалуйста, с тумбочки мою вставную челюсть!»

– Туллио, садист, разве можно рассказывать такие грустные анекдоты?! Тебе-то хорошо, ты ещё очень молод.

– Нет, Женя, я жизнелюб – правильно я говорю, «жизнелюб» – ну, это тот, кто любит женщин?

– Почти правильно, для итальянца – просто чудесно говоришь. Вот я сейчас расскажу анекдот по-русски, и если ты его поймёшь, то считай, что русский ты уже выучил до конца.

– Давай! – Глаза у Туллио заблестели, и он весь подался вперёд.

– О'кей. Приходит человек в авиакассу и говорит: «*Two tickets to Dublin!*» А кассирша: «Куда, блин?» Мужик ей: «Туда, блин!» Понял?

Вид у Туллио обескураженный. Я повторяю всё сначала.

– Не понял, – говорит Туллио, – давай ещё раз, только медленно, а я постараюсь понять. Значит, мужику надо в Ирландию?

– Да, в Ирландию, в Дублин.

– И он просит билет, а ему говорят: «Куда, блин?»

– Да, именно.

– А «блин» – это такая еда, *pancakes*?

– Да, еда.

– Ну, и что смешного?

– Значит так, тебе задание – выучиваешь наизусть этот анекдот и стараешься его понять. Когда поймёшь – объяснишь мне, и мы пойдём выпьем водки.

– Почему водки? Давай выпьем красного вина.

– Нет, Туллио, под этот анекдот мы выпьем водки, я ставлю.

На следующий год мы встретились с Туллио на конференции в Грузии. Ещё издали он закричал по-русски:

– «*Two tickets to Dublin!*» – «Куда, блин?» – «Туда, блин!» Я всё понял! Блин – это не блин, это совсем другое слово! Пошли пить водку, ты платишь!

В Грузии Туллио был почти единственным из иностранцев, кто смог пережить местное гостеприимство без особого ущерба для здоровья. Там были два участника – бельгийца, один постарше и мудрее, а второй молодой и вежливый. И вот в одном адхарском селе выставили настоящий грузинский стол, с едой в три уровня, с местным домашним вином, с белым хлебом, с супругами, ну и с тамадой старинных правил. Первый тост за дорогих гостей, второй – за святого Георгия, и всё до дна, ну и пошло-поехало. Молодому бельгийцу через час стало плохо. Хозяева всполошились и решили везти гостя в больницу. Бельгиец держится за живот одной рукой, за сердце – другой, и спрашивает меня по-английски:

– Что происходит?

Я объяснил – сейчас отвезут его в больницу, всё будет о'кей. Ему от этого стало ещё хуже, будь у него третья рука – схватился бы за голову. Сели в восемь машин, поехали в больницу около Батуми. Врач живот пощупал и говорит:

– Переведите, я укол папаверина сделаю – будет хорошо.

Бельгиец смотрит на меня, я – на него, и перевожу:

– Вам сейчас сделают инъекцию, и всё пройдёт.

От ужаса глаза у бельгийца расширятся:

– Скажите, пожалуйста, врачу, что я вхожу в группу самых здоровых людей Бельгии, что каждый день проезжаю 80 километров на велосипеде и что на мне изучают новые лекар-

ства – поэтому мне нельзя делать инъекции, не посоветовавшись с исследовательским центром в Мехелене.

Я поворачиваюсь к врачу и спрашиваю, как его зовут.

– Анзор, – отвечает врач, – меня зовут Анзор.

– Анзор, бельгиец говорит, что он очень здоровый, и что его поэтому нельзя колоть.

Анзор смотрит на голый бельгийский живот и спрашивает:

– А что он ел?

– Анзор, он ел всё... И пил вино.

– Шашлык ел?

– Ел.

– Надо сделать укол... А Мехелен – это где?

– Это в Бельгии, на севере страны.

– На севере? На севере... Не будем советоваться, скажите ему – всё будет хорошо.

Я перевёл, бельгиец сделал вид, что успокоился, его быстро укололи, и через пять минут всё стало действительно хорошо. Врач пошёл умываться руки, и тут бельгиец говорит:

– Попросите его для моего центра в Мехелене написать, что мне за инъекцию сделали.

– Анзор, извините, а вы не могли бы написать, что вы ему вкололи?

– Конечно, могу, – Анзор берёт бланк, быстро что-то пишет и передаёт мне. – Вот, тут всё написано.

И действительно, написано – но по-грузински.

– Анзор, вы уверены, что в Бельгии читают по-грузински?

– А на каком ещё им языке написать? Здесь написано по-латыни «*rapaverini, 100 mg*», только грузинскими буквами.

– А-а-а, ну тогда совсем другое дело, спасибо большое. Что может сейчас делать больной?

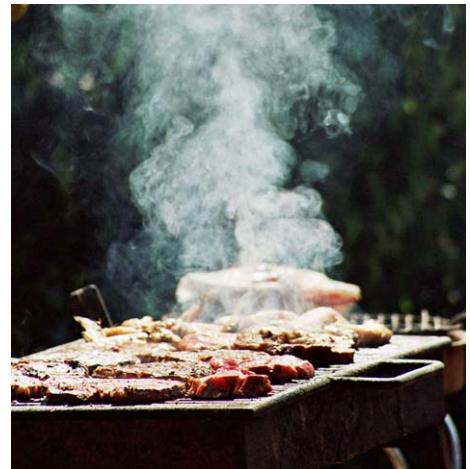
– Больной может делать всё, но понемногу.

Я подошёл к бельгийцу:

– Врач сказал, что нет никаких ограничений, вы можете делать всё, что можете.

– Всё, что я хочу?

– Нет, не всё, что хотите, а всё, что можете, если я правильно понял его русский...

Как и многие другие, Туллио Чеккерини – сын своих родителей. Их зовут Пьер-Витторио Чеккерини и Сусанна Чеккерини-Зильберштейн. Я познакомился с ними ещё задолго до встречи с Туллио, в 1991 году, 19 августа, в Барнауле, на одной из первых после долгого перерыва международных конференций по алгебре в России. Как раз в день начала конференции случился путч, и было полное ощущение, что скоро наступит всем полный и окончательный кердык. Иностранцев на конференцию должна была приехать масса, но доехали далеко не все, а уж остались – самые смелые. Таких набралось человек восемьдесят, и Пьер-Витторио с Сусанной были в их числе.

В аэропорту иностранцев встречали представители алтайского еврейского казачества. Я до сих пор не знаю, что это такое, я знаю лишь, что «страшны были в атаке еврейские казаки и делали агицен паровоз», но факт остаётся фактом – какие-то алтайские евреи встречали иностранных участников конференции. Я знал тогда, что существуют белорусские евреи, украинские, горские, наверное, есть равнинные, долинные и пустынные евреи, но об алтайских не знал ничего.

Каким-то образом алтайские евреи вычислили, кто из приезжих иностранцев еврей, а кто нет. Как они это сделали – тайна, покрытая мраком, но Пьера-Витторио с Сусанной записали в евреи сразу и безоговорочно. В чём-то они были правы, так как Сусанна и в самом деле еврейка, прошла концлагерь в Италии во время войны, затем некоторое время воспитывалась в семье Ферми. Но в профессоре Чеккерини если и есть что от еврейства, так это тёмные волосы, мудрая улыбка и жена.

Позднее я понял, что большинство людей пользуются одним доминантным признаком и отбрасывают всё остальные – так проще и легче жить. Одна американка пригласила на ужин бойфренда, купила противозачаточный крем, сделала бутерброды себе и ему, съела, а потом забеременела. Как и положено американке, она подала в суд на фармацевтическую фирму. Судья ей говорит: «Мисс, а Вы читали инструкцию?» – «А что её читать? Если написано "крем", надо есть!» Так и алтайские еврейские казаки: если чёрненький – верное дело, что еврей!

Конференция шла, по телевизору показывали бесконечное «Лебединое озеро», а кердик всё не наступал. Я был поражён, так как всё моё естество-знание подсказывало обратное. Воспряли духом и алтайские евреи, и созвали всех иностранных евреев на встречу в каком-то Доме культуры. Первым делом Пьера-Витторио выволокли на сцену и стали спрашивать: «А что везти в Израиль?», «А как там с сушкой белья и мойкой обуви?», «А какие дипломы признаются?» и так далее. Пьер-Витторио держался мужественно и дал им массу полезных советов... Мы подружились, но я и представить себе не мог, что когда-нибудь окажусь в Риме, у них дома. Не надо забывать – шёл ещё только 1991 год.

В 1994-м, уже из Израиля, я собрался на конференции в Италии и Германии. Но тогда израильский паспорт давали не сразу, а через год жизни в стране, и не без проблем – только после того, как согласуешь свои дела с потусторонним заведением под названием «Банк Иду». Что это за банк – длинная история, но не зря все русскоговорящие приезжие называли его привычнымозвучным славянским словом. Поэтому получил я для поездки не паспорт, а специальную ксиву, *«laissez-passer»*. Документ этот был вполне ничего себе, но требовал, в отличие от израильского даркона, виз.

Первым было немецкое посольство в Тель-Авиве. Я зашёл, получил номерок, потом по номерку – бумаги, потом какая-то англоговорящая женщина изучила моё приглашение, сказала – 30 шекелей, приходите через неделю. Всё было упорядочено, сурово, но справедливо.

После этого я отправился к итальянцам.

Посольство пряталось в каком-то здании среди лабиринта дверей. На всех было написано что-то по-итальянски, но одна была стеклянной, и за ней сидел, подыхая от жары,

красивый томный карабинер в роскошном мундире.

– *Embassy?*

Ноль внимания, фунт презрения. Надо что-то срочно делать.

– *Ambassadore?* – сказал я, надеясь, что говорю по-итальянски.

Карабинер смахнул каплю пота, поднял руку в белой перчатке и нажал какую-то кнопку. Я зашёл за стекло, как Алиса в Страну Чудес. Внутри оказалась комната с кучей дверей, плотно забитая народом. Никаких номерков, никакого орднунга, все расположились в живо-

писном беспорядке. Прошло минут пять, одна из дверей открылась, оттуда вышел низкорослый важный человек, оценивающе всех осмотрел и поманил одного из просителей визы пальцем. Как сейчас помню, согнул указательный палец правой руки несколько раз в интернациональном жесте и скрылся вместе с человеком. И всё, и тишина. Лишь чутьё подсказывает, что, кроме входа, в той комнате имеется ещё и выход. Ждём-с.

слышан об итальянском посольстве, а потому заранее попросил, чтобы прислали из Италии в посольство письмо с моей визовой поддержкой.

Консул повернулся в мою сторону одно ухо и спросил по-итальянски, что, собственно, мне нужно. Но итальянский – не иврит, понять можно, а слово «виза» звучит очень доходчиво на всех языках.

– *Viza, visto?* – Консул развернулся, и кроме уха стали видны ещё и седые усы. – *Passaporto, signore!*

Я достал *laissez-passer* и протянул товарищу начальнику.

– *Laissez-passe!* – Лицо выразило разочарование, а усы описали дугу. – *Impossible!*

Ясно, *impossible* – означает «может быть», надо вынимать из рукава туза.

– *Letter, conference, Lago di Como*, – почти выкрикиваю я одним протяжным звуком. Реакции нет никакой. – *Plotkin, Professore.*

– *Professore?* – Консул встаёт и идёт к столу с бумагами.

Он медленно в них роется и выуживает один из конвертов.

– *Professore*, – кричит он и бросается ко мне на грудь!

– *Sì!* – кричу я и обнимаю консула за плечи.

– *Signore Professore!!!* – радости нет предела.

– *Sì!!!* – Я даже и не пытаюсь отодрать от себя консула. –

Sì!!! – хорошо бы ещё что-нибудь сказать по-итальянски, но я ничего с испугу не помню, кроме «*uno, uno, uno momento*» и «*tokkato-allegro-presto*». – *Conferenza Grande, Lago di Como, visto, Professore*, – надо ковать железо, пока консул ещё у меня на шее.

– *Visto d'ingresso*, – говорит консул, и лицо его излучает радость. – *Non problema, 76 шекелей.*

Это уже хорошо, но несколько неожиданно. За всеми делами я забыл, что виза стоит денег.

– *Momento*, – говорю я, и, осторожно поставив консула на пол, начинаю ощупывать карманы. Ясно, что денег не хватит, но сколько? У меня оказывается семьдесят один шекель, лучше, чем я

Вдруг появляется карабинер с подносом бутербродов и пирожных и начинает раздавать всем в очереди. Если бы в это время запахло серой, я удивился бы меньше, но бутерброд взял, чувствуя – жить стало веселее, ну его на фиг, этот немецкий орднунг. Снова материализовался низенький мужичок, снова кого-то позвал. Все ждут, что будет дальше. Дальше входит некая дама и начинает раздавать проспекты по Италии, буклеты, карты страны. Карты – это хорошо, я люблю карты, в них есть особый шарм, разглядываю, жду. Наконец некрупный мужичок поманил пальцем меня, и мы вошли в комнату, где, как я понял, сидел консул. Честно говоря, я был на-

думал.

— Семьдесят один шекель, — говорю я, то есть, *signore Professore* — *mistake*, забыл, принесу обязательно.

Консул с каждой минутой начинает понимать английский всё лучше и лучше:

— *Don't worry*, семьдесят шекелей — о'кей, занесёте шесть шекелей — получите визу.

Тут я наконец понял, что и впрямь поеду в Рим, навещу Пьера-Витторио и Сусанну, а главное — увижу Италию.

На отъезд в Израиль друзья подарили нам отличный походный 90-литровый рюкзак. Видно, хорошо знали, что мне нужно. Я сразу решил, что спать в Италии не буду, жалко времени на сон, жалко на отдых, вообще жалко времени, когда кругом — Италия. И взял этот рюкзак в качестве переносного дома. Денег особых не было, а те, что были, меньше всего хотелось тратить на ночёвки. Да и тепло же, июнь. Между двумя конференциями было шесть свободных дней, и я решил, что *signore Professore* вполне может поклошарничать эту неделю.

В Милане я ночевал на скамейке в парке около замка герцогов Сфорца. Присмотрев эту скамейку ещё днем, я рассчитывал, что отлично посплю на ней где-то от двух до пяти,

как у Чуковского. Около часа ночи мы с моим рюкзаком стали выдвигаться в район замка. Вижу, небольшую улочку перегородили две жгучие дамы в шубках на голое тело. На улочку въезжает машина, одна из дам распахивает шубку и что-то громко говорит шоферу, отчаянно жестикулируя. Шофер тормозит, и тогда вторая быстро и энергично объясняет, что именно они могут сделать хорошего для этого человека в ближайшие 5-10 минут и сколько это будет стоить. Это был такой блеск! Та-

кая мимика! Такая энергия! Я понимал почти всё, хотя слова были не вполне знакомые. Всё-таки искусство — волшебная сила! Машина резко рванула вперед. Зевнув, одна из дам выставляет большой палец правой руки, проводит им где-то ниже спины и резко выбрасывает руку вверх, вслед машине, показывая какого мнения она об этом человеке, о его машине и вообще обо всех мужчинах на свете.

В принципе, я знал о существовании этого жеста... но у нас обычно выражают те же чувства по-другому, согнув в локте левую руку с помощью правой. Кайф совсем не тот, всё-таки две руки — не одна, провели ими ниже спины... Вслед за пальцем итальянка развернулась на высоченных каблуках и добавила что-то про импотенто и кастрато. Клянусь, она не имела ввиду великих итальянских теноров!

Тут обе дамы заметили меня с моим рюкзаком. Зрелище, видно, их озадачило, но профессионализм взял верх и, недолго поколебавшись, итальянки направились в мою сторону. Я заледенел, это была катастрофа. Но не беда. Совсем как в песне Егорова:

Но ее не слыша лепета,
Я стою такой беспрепятственный
И сжимаю хваткой львиною
Восемь пенсов с половиной.

Смотрю на итальянок... Нет, не прав был парторг, ой как не прав! В это время появляется следующая машина, кажется спортивная «Альфа Ромео». В интеллекте итальянкам не откажешь – ну зачем разбираться с чем-то непонятным в штанах и с рюкзаком, когда в «Альфа Ромео» наверняка едет отличный кожаный бумажник? Хищницы отвлеклись, а я быстро ретировался, нашел свою скамейку под платанами и лег, подложив рюкзак под голову. Спал я тут ночь неважно. И на спине.

Верона меня оглушила. Это был первый настоящий средневековый итальянский город в моей жизни, а всё первое... ну что там объяснять, все уже не дети. Образ Кангранде – герцога делла Скала, с его песьим шлемом за головой, брел со мной по городу к Кастель Веккио, и было в этом что-то жутковато манящее. Адиджа бешено неслась вниз, а ее прозрачные воды светились розовой чешуйкой радужной форели. Над городом нависал Сан Пьетро. Становилось душно, но я поднялся по лестнице мимо античного театра, чтобы увидеть геометрию красных черепичных крыш и белую громаду Арены за ними. Время шло, сумерки сели на город быстро и решительно, но двигаться вниз, к центру, не хотелось. Зажигались фонари. Освещённая диагональ пролегла от набережной к площади Трав – Пьяцца делле Эрбе, обогнула Городской Дворец – Палаццо Коммунале – и уперлась в дом Шляпниковых – Капулетти – с балконом одной из самых известных всему миру девиц. Где-то на холмах, еще выше Сан Пьетро, зародился ветерок, и через несколько минут дурманящий запах медуницы повис над террасой. Вокруг все целовались. Было безумно завидно – безумно завидно и немного больно, или, скорее, безумно больно и немного завидно. Внезапно навалившаяся усталость от впечатлений решительно и бесповоротно сказала – спать! Не знаю почему, но ноги понесли меня к самому сердцу города, к площади Данте, к гробнице Скалигеров. Я нашел ренессансную Лоджию, забился в темноту одной из ее арок, нашупал каменную скамейку и лег с видом на гробницу и дворец

властителей Вероны. По легенде одного из них звали рыцарем без лица, второго отравили яблоками, а третий, как фараон, всю жизнь строил собственный саркофаг. Их семейный герб – лестница, т.е. «scala», кто-то из потомков венчался в церкви в Милане, недалеко от Дуомо, церковь со временем снесли, построили театр – «Ла Скала». «Она меня ласкала, ласкала», – пою я про себя на скамейке, чтобы не было так страшно. А что, в самом деле страшно, если дать волю воображению. А как не дать волю – попробуй ему не дать, само возьмет, только хуже будет.

Я встал и подошел к Данте, к памятнику. Оказывается, еще и полнолуние, вот в чем дело. Лицо великого поэта и опального гульфа было бледным. А каким еще ему быть, оно же каменное. Хотя последнее в лунном свете было неочевидным. Кто его знает, сейчас как встанет, как пойдет... Неужели надо быть опальным, чтобы быть великим? Вот и Бродский... при чем здесь Бродский?.. Между тем, луна зашла за башню Дворца, и лицо Данте медленно потемнело – как нахмурилось.

Земную жизнь пройдя до половины...

Нет, надо кончать с воображением и немедленно спать. Не медленно, а быстро. И я заснул на скамейке в Лоджии дель Консильо. А наутро, к шести утра, Данте уже был тих и благостен, забыв – на время – то, что печалило его ночью...

Если в Вероне я устроился на площади Данте спонтанно, то ночевка в Венеции была заранее спланированной авантюрией. Около трех ночи я сел на кораблик-*motoscifo*, отплывающий от площади Сан Марко к острову Лидо, и стал медитировать, уткнувшись взглядом в колокольню Сан-Джорджо Маджоре. В Юрмале был ресторан «Лидо», а в нем на потолке всегда крутился блестящий зеркальный шар. Очень он меня волновал. Я почему-то думал, что во всём мире есть сеть ресторанов «Лидо» – такая тайная secta ресторанов, и у них, как у каких-нибудь масонов, свой отличительный знак – вот этот самый зеркальный шар, бросающий на посетителей цветные блики. Сан-Джорджо Маджоре скрылась из вида, а «Лидо» в сердце осталось, поскольку там мы выпивали по случаю отъезда в восьмидесятом Сашки Попова за границу. Как я тогда напился с горя! Молодой был, дурак был... да таким же и остался – хочу почему-то на остров, где шар и мне двадцать с небольшим... Кораблик пристал к Лидо, я взял рюкзак и пошёл через сосны к пляжу, к открытому морю. Песок там вполне сносный, не чета, конечно, рижскому, но в общем – ничего песок, я сделал из него подушку, утоптал слегка землю, расстелил рюкзак и лег головой к соснам, ногами к морю. Закрыл глаза, ветерок, волны тихо накатывают – такое бывает? Бывает такое? Ветерок, волны, Лидо, Лагуна, Венеция... Вдруг понимаю – не заснуть. Ну как

можно заснуть на лежбище котиков во время брачных игр? Или затопчут, или... – и это в лучшем случае, но всегда одно из двух, третьего не дано. Весна, всякая тварь паруется – как говорят русские классики. А те, кто не паруются, те кто? Ясно, что не тварь, но вот кто именно? Не тра-та-та, не лягушка, а неведома зверушка... Как-то стало жалко себя. Всякая тварь паруется, а я хуже...

Наконец всё стихло, только ветерок, волны, море и песок. Да-а-а... сделал дело – гуляй смело, вот молодежь и отправилась в открытые пока ещё пабы. Ребята, и это

называется любовь?! Впрочем, надо попытаться скорее заснуть, ведь если это любовь, то они обязательно вернутся!

Во Флоренции я понял, что надо записывать впечатления, иначе что-то уйдет – и всё, общий привет, собирай потом по крупицам памяти. Не зря же письма из Италии были излюбленным жанром писателей и художников всех времен и народов. Я решил, что сяду ночью на площади напротив Палаццо Веккио, сяду и буду писать в этом антураже под настроение, пока не засну, а

когда проснусь – запишу то, что придумал, пока спал. Но где там сесть? На самом деле это несложная задача. Ищешь такое кафе, где стулья не убирают, а лишь пристегивают к столикам, и садишься с независимым видом, как будто ты богатый, но чудаковатый американец. В час ночи весь персонал уходит, можно подтянуть под ноги ещё два-три стула и устроиться до утра с комфортом. А заодно и записать что-либо.

Так я и сделал. Достал ручку, стал писать: о Падуе, о Джотто, о холмах вокруг Флоренции, о том, что плохо и несправедливо путешествовать одному и нет на свете большего счастья, чем поделиться этим счастьем с близкими и родными. Не новые мысли, занафтальные, зато свои, а значит – важные. В это время за соседний столик усаживается парочка. Он – итальянец, жилистый, шустрый, импульсивный. Она – американка лет семнадцати, с рюкзаком и в кроссовках, но симпатичная. Парень берет девушку за руку и проникновенно говорит по-итальянски: «*Let's go make love!*». То есть говорит-то он по-английски, но по-английски с такими глазами не говорят, буквы-звуки – дело тут третье, так что говорит он, конечно, по-итальянски, но английскими словами, как тот доктор из Грузии. Мне всегда нравился дословный перевод этой фразы с английского – «Пойдем, сделаем любовь». Просто и понятно – нет любви, пока нет ещё, так пойдем и сделаем. Американка руку не убирает, но говорит «*No*», и всё начинается сначала. Похоже, итальянец других слов не знает, а американка знает, но говорить не хочет, или пока не хочет. Мне интересно, чем дело кончится, да и деться с привязанного стула некуда.

Так проходит около часа. «*Let's go make love! – No*» – и всё снова по кругу, прямо боле-ро какое-то. Я чувствую, спать хочу – умираю, ну девушка, ну я тебя очень прошу, ну скажи ты ему «*yes*», это же очень легко! Ну где ты в Америке найдёшь такого мачо?! Или «мачо» – это испанец? Ну, всё равно, где ты в своей Индиане найдёшь такого Марчелло Мастрояни, потом будешь жалеть всю жизнь и хранить клок волос в медальоне рядом с крестиком.

«*Let's go make love! – No*» – опять за рыбу деньги! Вот упорные какие, уже четыре часа, хватит, спать хочется. Скажи ему, пожалуйста – «завтра»! «Завтра, завтра, не сегодня...» – если ты действительно хочешь сказать «нет». Ты что, совсем глупенькая? Завтра ты уже уедешь отсюда и будешь далеко-далеко, а если и не уедешь, то «Мастрояни» всё равно найдёт себе другую, поактивнее. Я больше не могу, я пять дней путешествую, скажи ему или «да», или «завтра», но скажи что-то разумное, дай поспать хоть два часа!!!

«*Let's go make love! – No*» – вот блин, всё, убью обоих. Сам не знаю почему, но заснуть не могу. О чём я писал? О галерее Барджелло, о Донателло и Микеланджело? Не помню, наверное, я всё же заснул. Эти двое ещё здесь? Сволочи! О людях надо думать, не только о себе. На что вы время тратите, ведь жизнь идёт, вот уже и птицы, кажется, петь начинают, утро наступает, зачем вам все эти переговоры? Радуйтесь жизни, сами радуйтесь и другим не мешайте. Ведь сказано же – «*celebrate!*», радуйтесь то есть, а не «*celibate*», не воздерживайтесь, как католические священники. Хотя «Марчелло» скорее всего католик, но уж никак не монах, это я гарантирую!

«*Let's go make love! – Tomorrow*» – что я слышу!!! Райское пение, жаль, что под утро. «*Tomorrow*» – значит завтра, а на сегодня – всё, финита, или даже скорее – баста. Американка целует итальянца в губы, но в общем-то холодновато, подхватывает свой рюкзак и убегает по направлению к Уффици. Быстро бежит, не иначе подруга ждёт, или просто так – у

них в Индиане все бегают для здоровья. «Марчелло» встает, но в лице нет разочарования, чувствуется, что он честно трудился. Ну, не получилось. Бывает. Завтра будет завтра.

До поезда в Рим оставалось три часа. Но через два меня разбудил официант: «Синьор будет завтракать?» Нет, спасибо, синьор не голоден, стакан воды, пожалуйста...

С римского вокзала я позвонил Пьеру-Витторио.

– Женя, где вы? На Термини?

– Да, на Термини.

– Стойте на одном месте, и никуда не двигайтесь! У вас вещи есть?

– Да, рюкзак.

– Стойте с рюкзаком и не отходите ни на шаг, я еду.

Через пятнадцать минут появляется Пьер-Витторио.

– Всё в порядке?

– Всё в порядке, а что?

– Здесь воруют. Здесь всё время воруют. Вообще в Риме воруют, а на Термини воруют всегда. Поехали к нам домой.

В мой следующий приезд в Рим меня действительно обворовали в автобусе. Какие-то азиаты вытащили двадцать долларов из брючного кармана. Как говорится, «ему залезли в штаны, а он не почувствовал даже легкого кайфа».

Дома Пьер-Витторио говорит:

– У вас доклад через три дня в Университете «Roma La Sapienza». Чтобы получить за доклад деньги, надо оформить специальный документ, называется «codice fiscale», нечто вроде удостоверения личности. Его получают в Министерстве внутренних дел, недалеко от Ватикана. Я вас научу, что надо делать. Вы туда пойдёте, там будет много людей всех цветов и расцветок и масса дверей. Вы ни с кем не заговаривайте, там длинный коридор, вы идёте прямо. Вас будут останавливать, не обращайте внимания, говорите только три слова «Professore, codice fiscale», и всё, вперёд. Понятно?

– Понятно.

– В какой-то момент у вас спросят фамилию и выпишут «codice fiscale». Сразу уходите оттуда, нигде не останавливаясь, будут останавливать – снова говорите «Professore». Понятно?

– Понятно.

– Ну, раз понятно, так давайте обедать. Сусанна! Мы готовы.

Я всё сделал так, как сказал Пьер-Витторио. И всё сработало. За 20 минут, в дополнение к «laissez-passer», я получил также и итальянскую ксиву, «codice fiscale», фискальный код. При слове «фискал» в памяти всплыли первые большевики, газета «Искра», революция... Но вот оказалось – очень даже полезная штука.

Лекция прошла хорошо, я получил гонорар, по-моему около 300 000 лир, огромные для меня в те времена деньги, разделил их пополам и положил в два кармана. В Риме стояла дикая жара, и я отправился в Ватикан, в музей.

То, что произошло потом, я рассказывал разным людям, и совсем недавно рассказал своим школьным друзьям на одной из наших встреч. Школьные друзья – это особая каста, так как если знакомы добрых 40 лет, то ничего особенно говорить не надо, а надо так вы-

пивать и смеяться, как с другими позволить себе не можешь. Итак, я рассказываю школьным друзьям, что иду я после Ватикана очень усталый, но очень довольный. В кармане появились какие-то деньги, и можно даже сходить на Пьяцца Навона купить какой-нибудь сувенир на память. Иду себе, иду, смотрю в карту города. Вдруг рядом останавливается машина. Водитель открывает дверцу со стороны пассажира и говорит:

– Простите, вы не подскажете, по какой улице я могу выехать на дорогу на Париж?

– На Париж???

– Да, на Париж, я вижу у вас

есть карта, вы не могли бы мне помочь?

– Ну конечно, конечно, нет проблем, – пассажирская дверь уже открыта, и я присаживаюсь в машину.

– На Пари-иж... значит, на Францию, давайте сориентируемся, – задумчиво говорю я, – вам надо на Север, мы сейчас около Ватикана, значит Флавиева дорога, скорее всего, подойдет...

– Вы откуда приехали? – неожиданно говорит мужик. – У вас такой необычный и приятный акцент, извините ради Бога, просто любопытно.

– Из Израиля, но вообще-то я из России, всю жизнь прожил в России.

– Россия, о-ля-ля, – мужик возбуждается прямо на глазах, – я так люблю Россию, у меня жена русская.

– Русская?

– Да, конечно, русская: спасибо, хорошо, добрый день, голубушка.

– Что? Голубушка? У вас прекрасный русский.

Мужик широко улыбается, потом заговорщически мне подмигивает и говорит:

– Я люблю свою жену. У вас жена есть?

– У меня? Да, есть.

– Знаете что, я вам скажу по секрету: я коммивояжер, я еду сейчас с выставки одежды – возвращаюсь в Париж. Мы отлично отработали, и осталось всего несколько моделей. Вы так мне понравились, так понравились, и жена у меня русская, вот, возьмите, от чистого сердца, для вашей жены, подарок...

Он лезет на заднее сиденье и достает оттуда красиво упакованную замшевую куртку. На ней написано «Perren». Я в полном обалдении что-то лопочу в ответ:

– Да не надо, не стоит, ну что вы делаете, это невозможно, это дорогое, не надо.

Мужик пропускает всё это мимо ушей и говорит:

– Да перестаньте, это пустяки. Россия – великая страна, я так люблю русских, у меня жена русская. У вашей жены какой размер?

– Что?... Не знаю.

– Ну, какого она роста, худенькая или плотная?

– Ну, не знаю, наверное метр шестьдесят – метр семьдесят, стройная.

– Стройная! Отлично! Вы так мне понравились! Русские – моя слабость, я хочу подать ей ещё одну куртку...

– Перестаньте, не надо, что вы делаете? Перестаньте!

Я говорю, но чувствую, что говорю почему-то неуверенно, видно обалдение сказывается, да и жара, да и вообще – что происходит?!

Мужик лезет на заднее сиденье. Там действительно лежат несколько курток. Впервые я вижу на его лице тень раздумий.

– Нет, на неё курток нет, но ничего, мы что-нибудь придумаем.

– Не надо ничего придумывать, я вам и без того благодарен.

– Перестаньте, это же пустяки! Хорошо, – добавляет он по-русски, – у вас дочка есть?

– Что?

– Ну дочка, дочка есть у вас?

– Есть.

– А сколько ей лет?

– Шестнадцать.

– Шестнадцать!!! Great, у меня есть и для неё куртка!

– Вы с ума сошли... не надо, прошу вас!

На самом деле я не знаю что делать, ситуация глупейшая, первый раз в Риме – а тут какие-то куртки, коммивояжеры, фирмы, и жара опять же дикая.

– И не возражайте, вот вам ещё одна куртка.

Мужик укладывает их в фирменный пакет, сует мне всё это в руки и почти вытихивает из машины на улицу. Жалко, я не видел в этот момент своё лицо, но, по-видимому, можно было меня намазывать на хлеб и есть, не разжевывая. Машина завелась. Я стою на дороге к замку Сан-Анджело, недалеко от Ватикана, в разгар лета, с двумя осенними куртками, как идиот... Вдруг дверь снова открывается.

– Совсем забыл... мелочь, – говорит водитель, – у меня кончились лиры, а мне ещё надо залить бензин до французской границы, не одолжите?.. это пустяк.

А я в то время ещё не водил машину и понятия не имел, сколько стоит бензин. Находясь в прострации, спрашиваю:

– А сколько надо? 20 000 лир хватит?

– Ну что вы! Много, много больше.

И тут я понимаю, что меня натуральным образом дурят, что всё это спектакль, что дурят – слишком мягкое слово по отношению к тому, что происходит, что надо бы отдать ему эти куртки и послать его к едрене фене – всё понимаю, но ничего поделать не могу. Я тяну руку к карману, где деньги, и даю ему 150 000 лир, около сотни долларов по тем временам.

– Это всё? – спрашивает он.

– Всё, – отвечаю я.

– Ну ладно, ариведерчи, грацио.

Я стою посреди Рима с двумя куртками за 100 долларов и думаю, что земля ещё не видела таких ослов.

Позднее выяснилось, что это как раз неверно.

Куртки оказались хорошими, моим в точности впору. Наверняка они стоили несколько дороже 100 долларов. Ясное дело, при полном безденежье я бы ни за какие коврижки их покупать не стал, да и вообще, из меня покупатель одежды как из слона балерина. Видно, он меня как-то вычислил, а потом раскрутил как ребенка. Великий мастер...

Но это ещё не конец истории. На следующий год у нас в гостях были наши друзья, Саша и Оля Меркуьевы – и вот я рассказываю им историю про куртки, Таня эти самые куртки показывает, все довольны, все смеются. А через год Саша звонит мне из Германии.

– Ты знаешь, иду я по Риму, недалеко от Ватикана, вдруг тормозит машина. Мужик интересуется, как проехать до Парижа. Я сажусь к нему и понимаю, что всё это уже где-то было. «Ты откуда?» – спрашивает мужик. «Из России». «О-о-о, я так люблю русских, у меня же на русская: хорошо, спасибо...» И тут я вспомнил твой рассказ. «Ясно, ясно, – говорю, – любовь любовью, а где куртки??»

– Так ты не купил у него?

– Нет конечно, пошёл он подальше...

Но и это тоже не конец истории. Недавно мне попалась книга путевых очерков Людмилы Штерн, прекрасная, кстати, книга. И вот Штерн пишет, что идет она как-то по Риму, ну и далее по тексту... Она говорит, что бизнес этот известный, что «курточники» – такая же римская достопримечательность, как Тибр, Пантеон или Колизей. Но и это ещё не всё. У Эдуарда Тополя есть рассказ про куртки, про всё то же самое, но только с какими-то морализаторскими мотивами...

– Ну, теперь уже всё, – решительно говорит Сашка Попов, – к бесу куртки, кушать очень хочется, и выпить пора.

– Всё, – соглашаюсь я, – пошли выпивать!

– Нет, не всё, – неожиданно подает голос Володя Архипов, – не всё! А куртки, – спрашивает он, – были какого цвета?

В комнате повисает тишина, одноклассники смотрят на меня, я смотрю на Володю. Немая сцена, как писал в таких случаях Гоголь.

– Коричневые и темно-зелёные, замшевые.

– Значит, он всё-таки доехал до Парижа... – медленно произносит Володя. – Ты понимаешь, иду я в 94-м году с картой по Парижу...

– Что? Перестаньте ржать, – я пытаюсь перекричать всеобщий смех после паузы, – перестаньте ржать, дайте послушать!

– Иду я с картой по Парижу, настроение прекрасное, ну и подваливает этот лоб, с куртками. Он мне какую-то байку стал рассказывать, я посмотрел на куртки, подумал и купил – мне цвет понравился, и фасон.

– То есть ты сознательно купил у него куртки?

– Да, а что? Хорошие куртки, я их в Ригу отвез.

– Ну, ты великий! Не он тебе втюхал куртку, а ты ее сам купил?

– Не куртку, а куртки. Почему нет, я же говорю – хорошие куртки.

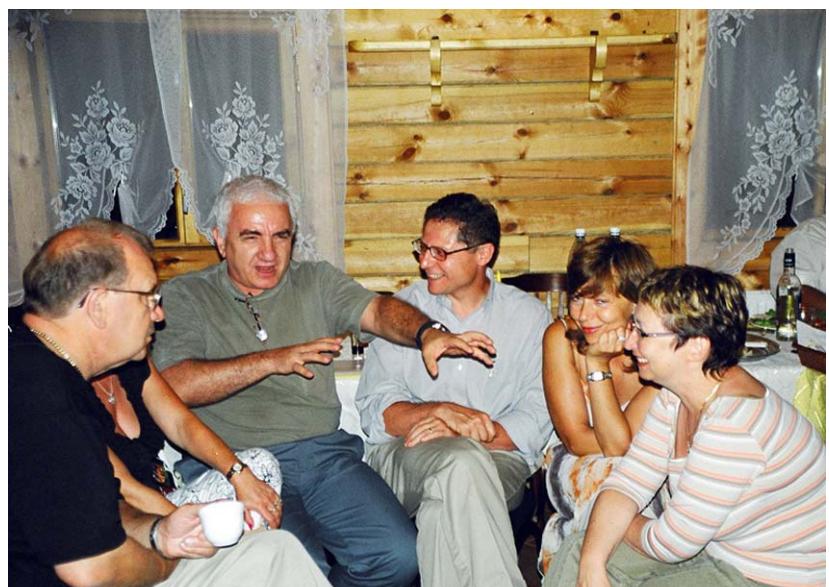
– Фантастика!..

Впрочем, Бог с ними, с куртками, не в них, конечно, дело.

– Володя, ты не пробовал спать во Франции на улице?

– Нет, а надо?

– Не знаю. Мне хотелось...

Мне и в самом деле хотелось, и шанс был, через год после Италии. Тогда я побывал во Франции – тоже конференция. Жаль, но я этот шанс упустил – организаторы сняли мне комнату в Латинском квартале, в общежитии.

Я, кстати, люблю общаги. В Питере, на втором курсе, нас было пятеро на четыре кровати, так отлично было, спали по очереди. Тараканы ползали ротами, с четвёртого этажа на второй. На третьем Гвидо из Сенегала готовил сенегальскую пищу, вот они к нам на второй и сигали, от ужаса. Но всё равно, хорошо было. Ещё с Кубы студентка жила, не знаю что изучала и зачем. Ее все так и звали «Куба, любовь моя». Способная девушка... Казашки жили, все за немцев замуж выходили. Немцы в шесть утра вставали, радио включали, гимн

Советского Союза стоя слушали. Потом обратно спать ложились, с казашками, конечно. Да, хорошо было...

лю, не любил бы – убил, за все эти годы. Он теперь президент какой-то алмазной биржи, а, помнится, в пятом классе пиджак мой прокусил, рубашку и плечо. На плече остался рельефный отпечаток зубов. Мне тогда уколы от бешенства делали, до сих пор не пойму, почему мне, а не ему.

– Ты давно не был у ветеринара? – вот уже сорок лет стандартно реагирую я на его шутки. – Пора провериться на ящур.

– Сам дурак, – вот уже сорок лет отвечает он...

Два билета туда, блин!.. Знать бы, где это «Туда» находится. Где находится «блин» – известно всем, вот с «Туда» – проблема. Куда – туда? Как у Кима: «Куда ты скочешь, мальчик? Куда-нибудь туда...» Очень точный, в сущности, адрес. Но бесполезный.

Что же делать? В трамваях когда-то вместо категорического «Нет выхода» стали писать «Выход в среднюю дверь». Это гораздо лучше, намного правильнее. Конечно, всегда есть выход. В одном местечке евреи спросили ребе: «Можно ли курить во время молитвы?» «Нет», – ответил ребе. В соседнем местечке спросили: «Можно ли молиться во время курения?» «Да», – сказал ребе. Надо просто уметь спрашивать – то же самое, но другими словами. Например: «У вас есть восемь билетов?» А кассирша: «Куда, блин?» Восемь билетов – это минимум, а куда – да всё равно куда, спросите лучше – с кем? Она спросит: «С кем, блин?» Вот это важно! С теми, с кем всегда, пожалуйста, всё как всегда, ничего не меняйте – это главное.

Гераклит говорил, что нельзя дважды войти в одну реку. Не знаю. Надо всё же пробовать, вдруг река молочная, побарахтаешься – взобьётся. А если не взобьётся ничего, так хоть искупайся... Не ночевал я с тех пор на улицах – всё кемпинги, отели, пансионы. Всюду одно и то же, во всём мире. Привыкаем, перестаём удивляться. Грустно.

– Грустно потому, что у тебя голова на том месте, на котором люди обычно сидят, – заявляет Сашка Попов.

Ну, ему можно, мы дружим с песочницы, с шести лет. Я его люблю,

...Надо бы узнать у Клер, есть ли в Ирландии город «Скемблин». Боюсь что нет. Но, может, будет...